

А.М. Родригес-Фернандес

Глобализм и поиск стратегии Запада в «организации» восточной периферии

Сформулированный на Западе процесс глобализации фактически предполагает установление контроля стран «атлантической цивилизации» над ресурсами стран так называемой восточной периферии. К ней, собственно, относят большинство развивающихся не по западному сценарию восточных стран. Однако по мере осуществления (конец XX – начало XXI вв.) вскрылась контрпродуктивность и нереальность этой стратегии. Выяснилось, что многие «ценности» западной культуры не принимаются безусловно на Востоке. Прежде всего, это относится к отчуждению продуктов труда, духу предпринимательства, плюрализму мнений и т.п. Кроме того, попытки осуществления данной стратегии выявили многочисленные негативные последствия для восточных обществ. В частности, к ним относятся: снижение накопительного потенциала, сокращение возможностей развития, обострение социальных и экономических проблем.

Ключевые слова: «атлантическая культура», восточная периферия, глобализм, социальная структура арабских стран, традиционные социальные структуры, глобализационная стратегия современности, национальное развитие мусульманских стран.

Парадоксально, что, несмотря на разочарование в либеральной философии, ведущие западные политики и финансовые учреждения в условиях глобализации продолжают отстаивать нерушимость либеральных принципов в контексте проблем развития стран третьего мира. Малосовместимые рекомендации, которые поступают на этом фоне к странам периферии,

только усложняют существующие трудности. Таким является, например, требование разрешения дихотомии: традиционная или либеральная цивилизация. Еще пример: объединение в докладе Международного валютного фонда (МВФ) о состоянии и перспективах развития мировой экономики в 2002 г. рекомендаций в адрес развивающихся стран активизировать приватизацию государственных предприятий, либерализацию торговли и инвестиционной сферы с призывом к ним относительно укрепления государственных институтов как стимулятора экономического роста. Все это порождает фрагментарность, противоречивость, неопределенность, разорванность внешних установок и ориентаций, что позволяет периферийным странам обосновывать свою маневренность в сфере национальной экономической политики.

Контрпродуктивность и нереалистичность навязывания мусульманским народам курса развития, основанного на современных западных неолиберальных принципах, объясняется рядом причин. Во-первых, главный аспект западной культуры – отчуждение продуктов труда – не принимается здесь безусловно. Во-вторых, в Исламском мире с большим сомнением воспринимают универсальные ценности Запада: дух предпринимательства, плюрализм мнений и т.п. В-третьих, «атлантическая» и арабо-исламская культуры представляют две разновидности миропонимания, которые происходят от разных типов структур сознания – рационализированного и религиозного. К тому же, если в ведущих мировых государствах дифференциация религиозной и политической подсистем уже давно стала действительностью, то в мусульманском социуме стержнем мировосприятия остается убежденность в том, что в обществе изначально существует божественный порядок, который не подлежит никакому обсуждению или оценке, и именно он определяет прошлое, настоящее и будущее.

Вполне понятно, что желание идеологов культурной глобализации подталкивать преобразовательные процессы в направлении Мусульманского мира будет лишь усиливать в нем защитный рефлекс. «Опасность разнuzданного насилия возникает всякий раз, когда существующий социальный порядок оказывается под угрозой, – отмечает профессор Университета г. Корк (Ирландия) А. Саколчаи. – Проблема цивилизации, таким образом, – это проблема обновления или воспроизведения социального порядка, который оказался под угрозой» [7, р. 376].

Таким образом, в данном случае имеет место искусственное искажение процессов распространения доминирующей культуры, что создает существенные проблемы не только для осмысления и конкретизации путей эволюции арабских стран, но и для самого источника культурной экспансии.

Безусловно, что по мере того, как человеческое сообщество разрастается и занимает все большую территорию, коллективное сознание вынуждено подниматься над местными отличиями и, таким образом, становится все более абстрактным, поскольку лишь самые общие ценности и положения могут разделяться всеми социумами, входящими в мировое сообщество. В этом – залог продуктивного и взаимозаинтересованного расширения. Однако этот процесс ни в коей мере не должен быть насильственным и форсированным.

В данной связи можно высказать предположение об усилении настороженного отношения лидеров мусульманских стран к перспективе распространения культурного направления глобализации на исламское измерение, как и о возможности пересмотра данного направления с течением времени развитыми государствами.

Наконец, «политическая глобализация» как фактор «добровольно-принудительного» внедрения в общество арабских стран западных моделей политической демократии чревата новыми осложнениями для процессов социально-политического развития этих государств и расчета перспектив их исторического прогресса.

«Демократизаторская направленность» была, в частности, зафиксирована в качестве главного приоритета американской ближневосточной политики в выступлении президента США Дж. Буша-младшего 26 февраля 2003 г., т.е. накануне вооруженного вторжения Соединенных Штатов в Ирак.

Сейчас трудно понять, почему демократия, составляющая высочайшее достижение «Атлантической цивилизации», была превращена относительно Арабского мира в вульгарный эталон, в который сторонники глобализационной идеи стремятся втиснуть все культурное многоцветие арабско-исламской самобытности. Существует же на Западе понимание, что «демократия является результатом эволюционного процесса и представляет собой целостную форму, и что она не может быть просто возведена в ранг международной легитимности» [5, р. 68]; как и глубокое знание специфики и структуры арабских обществ, фундамент которых составляют родоплеменные и клановые связи, это определяет сформированное на основе исламской религии мировоззрение, существенно регламентирует традиционное давление семейно-клановой группы или религиозного авторитета на свободу выбора личности, в то время как на макроуровне мусульманская среда в целом запрограммирована на уничтожение инакомыслия.

Самый тщательный учет этих особенностей побудил еще колониальные власти ориентироваться на исламский фактор, традиционные социальные

структуры и трайбализм как на главные ориентиры разработки эффективной политики в странах Азии и Африки.

Именно эти компоненты после деколонизации стали «частями единой ткани, объединившей государство и общество» в Арабском мире [7, р. 377], в то время как созданные здесь государственные институты и внедренные принципы политических процедур представляли не столько местные разновидности вестернизации, сколько искривленные на современный лад формы патриархальности.

Можно разве что строить предположения относительно импульсов, парализовавших у сторонников демократической глобализации понимание реального состояния дел в Арабском мире и стимулировавших своей политикой перемещение восприятия западного демократического проекта в сознании мусульманского социума из разряда «утопий» на заре независимости в категорию «средства перерождения» в период интенсивной глобализации однополюсного мира и, в конце концов, в фактор «меры наказания» благодаря усилиям Дж. Буша-младшего.

Вероятно, сработала догма о том, что «сила может все». Возможно, сказалось нарастание деформации самой демократической системы в странах Запада, размывающей понимание границ и условий ее функционирования. Ведь демократический проект здесь создавался под «рафинированного» гражданина, для которого демократия должна была стать единственной высшей политической ценностью, а «заработал» в отношении буржуа, т.е. гражданина и предпринимателя одновременно. Это двойное качество обусловило его двойную заинтересованность и в политической сфере, руководствующейся принципами демократии, и в сфере экономики, направляющейся частной собственностью и рыночной конкуренцией. С течением времени это же качество привело к подчинению политических интересов экономическим и к соответствующим качественным мутациям политического измерения.

Возможно, в данном случае сказался кризис политической науки в странах Запада, обусловленный, по мнению итальянского политолога Д. Золо, тремя основными причинами: нынешней общей неопределенностью в основах научного знания и, в особенности, в эпистемологическом статусе социальных наук; быстрым усложнением общественных явлений, которые политическая наука стремится объяснить и спрогнозировать эмпирическим образом; возрастающим эволюционным риском, который угрожает демократическим институтам в постиндустриальных обществах [2].

Еще в 1970-х гг. функционалистская и эволюционистская парадигмы в социальных исследованиях были вытеснены в западной науке «цивилизационным подходом» и мультикультурализмом, в рамках которых, на базе

наработок школы Дюркгейма–Мосса, был осмыслен феномен множественности цивилизаций, раскрыта их сущность как исторически непостоянного явления (в противоположность тезису о статической сверхисторической культурной матрице), подтверждены гипотезы о продолжительных траекториях цивилизационных модификаций и трансформаций, обоснована историческая перспектива человечества как длительный путь творческого межцивилизационного взаимодействия.

Например, выдающийся американский исследователь К. Чейз-Данн на базе анализа исторических циклов экономической глобализации и их соотношения с культурной и политической глобализационными волнами, распространяющимися на периферийные культуры, раскрыл, в сущности, ключевую теоретическую закономерность корректного построения глобализационной стратегии современности. Он доказал, что культурный и политический типы глобализации идут с опозданием за столетним трендом нарастания экономической глобализации [3].

А британские политические аналитики Д. Хелд, Э. Макгроу, Д. Голдблатт и Дж. Перрейтон вплотную приблизились к раскрытию нынешней фазы глобализации как реального феномена, а не идеалистической утопии, в которой желаемое выдается за соответствующее действительности. В этой связи, они акцентировали основное внимание на том, что глобализацию лучше всего понимать как ряд процессов, а не как «особое условие» [4, р. 27]. Она не отражает, по мнению исследователей, ни упрощенной логики линейного развития, ни прообраза «мирового сообщества»; скорее всего, она свидетельствует о возникновении межрегиональных сетей и систем взаимодействия и обмена. В этом смысле, вовлечение национальных и социальных систем в более широкие глобальные связи необходимо четко отграничивать от любого истолкования понятия «глобальная интеграция».

Понятие «глобальное», подчеркивают английские ученые, не синонимично понятию «универсальное»; глобальная взаимозависимость не присуща в равной степени и единообразной форме всем народам и сообществам планеты. В этом измерении понятие «глобализация» следует отличать от понятия «конвергенция», поскольку глобализация не содействует усилению «гомогенности мирового сообщества» и «гармонии набирающих силу отношений. Наоборот, возрастающая взаимозависимость выступает, скорее, как источник конфликта, а не сотрудничества, генерирует страх и, как следствие, латентную враждебность» [Там же].

Итак, оказывается, что все точки давно расставлены, идея «параллельной» («синхронной») – экономической, политической и культурной

глобализации – опровергнута, периодизация и последовательность глобализационных волн установлена, приближение к осмыслению нынешней фазы глобализации однозначно подтвердило необходимость осторожного к ней отношения. Но доминирующая группа американской правящей элиты почему-то решила засвидетельствовать именно дефиницию власти как развидности исторического безумия.

Универсалистские подходы к созданию глобального миропорядка под предлогом перехода от «примитивной смешанности» к «дифференцированной сложности» обусловили на деле расширенное воспроизведение жестких последствий его внедрения и, как результат, ущербность всей иерархии типов развития периферии, как «фаворитных», эндогенного («диффузионистская модернизация») и догоняющего, так и рожденных периферийной маргинальностью – ресурсного, мальтузианского и изоляционистского.

Так, эндогенный («диффузионистский») тип развития предусматривает включение развивающихся стран в мировую экономику, распространение на планетарной периферии инноваций, моделей потребления и организации производства, присущих индустриальным государствам, охват ее деятельностью транснациональных компаний по мере расширения рыночных отношений и углубления глобализационного феномена.

Однако, несмотря на высокую степень интенсивности отмеченных процессов, они не стали ведущими тенденциями, определяющими будущее стран третьего мира. Во-первых, потому что «диффузия» элементов структуры развитых государств в страны периферии часто носит конъюнктурный характер и не гарантирована от обратной эвакуации. Во-вторых, потому что привлеченные к странам периферии структурные элементы не функционируют здесь в рафинированном виде, а мутируют и эндогенизируются, поскольку срабатывают местные механизмы самозащиты.

Таким образом, и «диффузионистская схема» оказывается малопригодной для расчета на ее основе стратегий национального развития периферийных государств.

Согласно теории догоняющего развития, разрыв между возникшими уровнями развития ведущих и периферийных стран будет тем быстрее преодолен, чем лучше будет налажено их партнерство в деле развития. Это «партнерство» предполагает проведение в странах третьего мира экономических реформ, которые предусматривают нормативную модернизацию на основе промышленной диверсификации всей экономики, опоре на импортную технологию и предоставление в этом деле технологической и финансовой помощи Запада.

При этом модернизация рассматривается в традициях функциональной школы, трактуется как движущая сила исторического прогресса, интерпретируется как тотальная, принудительная и ведущая к радикальным изменениям в обществе. Данный процесс предполагает зависимость его продвижения не столько от усилий периферийных стран, сколько от «доброй воли» развитых государств. К другим недостаткам модели догоняющего развития принадлежат, во-первых, пренебрежение закономерностями исторической эволюции, согласно которым отстающие страны ныне уже не способны не то чтобы догнать, но даже повторить путь развитых государств; во-вторых, искажение рациональной основы модернизационного процесса, который интерпретируется не в контексте согласованного многообразия схем социально-экономического подъема периферийных государств, а через воспроизведение ими схемы развития «Атлантической цивилизации».

Более того, модернизация в указанном случае противопоставляется традиционализму, который трактуется как главный источник застоя, а прогресс истории интерпретируется как движение от «традиционного» общества к «современному», образуя континуум «традиционное – переходное – современное» общество.

Ресурсный, мальтузианский и изоляционистский типы развития являются побочным плодом глобальной политики мир-системного ядра, будучи, в сущности, разновидностями открытых форм социально-экономической деградации.

Опора в деле хозяйственного развития на экспорт сырья в условиях систематического падения спроса на него в мировых индустриальных центрах постоянно снижает накопительный потенциал стран периферии, сокращает факторы ее роста и ведет к постепенному обострению здесь социальных, экономических и политических проблем.

Мальтузианский тип развития охватывает, по определению Дж. Сакса, группу стран Субсахарской Африки и Андского региона, которые, не владея достаточными запасами полезных ископаемых, сколько-нибудь развитым промышленным производством и имея низкую производительность аграрного сектора, бесперспективны с точки зрения привлечения иностранного капитала [6]. Они расположены в зоне сложной тропической экологии, и в них происходит сокращение подушного дохода ввиду быстрого возрастания численности населения, что ставит общество на грань выживания, провоцируя «мальтузианский кризис». Единственное преимущество в данном случае по сравнению с государствами изоляционистского типа развития состоит в большей приближенности к мировой акватории.

Страны изоляционистского типа, при наличии всех проблем, присущих предшествующей категории государств, имеют еще и такую особенность, как отдаленность от полосы океанско-морского побережья, что существенно снижает саму возможность проявлений того ситуативного интереса, который возникает иногда у предпринимательских кругов Запада к «мальтузианской группе».

По подсчетам Дж. Сакса, всего в Латинской Америке, Африке и Азии существует 28 внутриконтинентальных (т.е. изолированных) стран с населением не менее 1 млн чел., которые остаются беднейшими и наименее развитыми на планете [6].

Арабскому региону в целом присуще доминирование ресурсного типа развития при наличии ярко выраженных тенденций догоняющего развития и нарастании процессов «мальтузианского давления».

Как видим, глобализация сама по себе не только не гарантирует всем развивающимся странам экономического прогресса и не дает «универсальных рецептов» его достижения, но даже предложенные ею «фаворитные» стратегии развития не становятся залогом обеспечения устойчивого подъема.

Кризис постколониального развития привел, с течением времени, к выдвиганию ревизионистского направления научной мысли о развитии – имманентной периферийной отсталости, которая закрепляется мир-системным ядром. Ее разработчиками выступили латиноамериканские ученые Р. Пребиш, Г. Франк, С. Фуртадо.

Представители этого направления, которое многими поддерживается и в наши дни, сделали большой вклад в определение соответствующих действительности закономерностей функционирования современной мирохозяйственной системы, в анализ отрицательных последствий экономической экспансии развитых государств в страны третьего мира, в избличение равнодушия ведущих мировых игроков к проблемам народов периферии и т.п., очерчивая реальную систему координат современности. Однако и их разработкам был присущ тот же недостаток, что и концепциям, которым они противостояли: они не предлагали конкретной альтернативной модели межцивилизационного партнерства – через продуктивное взаимодействие, а не через поглощение.

Определяя качественные признаки препятствий на путях эволюции стран третьего мира, приверженцы теории имманентной периферийной отсталости подвергли решительному пересмотру не отдельные шаги и мероприятия в осуществлении процесса развития, а провели инвентаризацию всей системы ценностей, предложенной периферии «к употреблению» представителями западной «официальной» науки. Особое внимание было уделено

модели развития, которая была создана на Севере, потом распространилась, кое-где была искажена и сегодня по-разному имитируется на Юге; модели, достигшей своих рациональных границ, поскольку ныне она не в состоянии быть общеприемлемой и пронизана глубокими внутренними противоречиями.

Система ценностей, на которой строится модель развития стран Севера, предполагает поддержание экономического роста в качестве самоцели, а не средства социального прогресса; избрание в качестве критерия оптимального функционирования экономики принципов рынка, согласно которым стремление к прибыли базируется на отношениях антагонизма и соперничества; тенденцию к распространению атлантического господства в мировом масштабе путем навязывания другим собственной модели как универсальной. Все эти особенности, по мнению оппонентов западного доминирования, делают возможным использование «модели развития Севера» в странах периферии лишь для удовлетворения отдельных потребностей этих стран, на отдельных участках экономики и в ограниченные сроки.

Представители указанного теоретического направления, в частности Г. Франк, придерживались также позиции, в соответствии с которой слабо-развитость является вовсе не следствием исторического отставания стран третьего мира, а наоборот – именно продуктом развития господствующих государств. Развитие одних и слабо-развитость других – это две стороны одного и того же процесса экспансии и интеграции мировой системы по правилам доминирующего центра.

Другой теоретик этого направления, В. Барсело, доказывает, что концепция «пределов развития» для периферийных стран носит искусственный характер, обусловленный тенденциями, которые генерируются развитыми мировыми государствами, в частности, распространением рецессивных и инфляционных процессов в индустриальных странах, углублением кризиса международной финансовой системы, обвалом цен на сырье, появлением новых переменных величин в развитии общества, кризисом форм международного экономического сотрудничества, экспортом неадекватной к местным условиям западной институциональной модели, международным разделением труда в интересах капитала, отрицательными для бедных стран результатами международной торговли.

Еще один сторонник упомянутого направления, С. Амин, обращает внимание на планетарные последствия современного кризиса западного общества, который вытекает из дисбаланса между требованиями демократии и односторонней диктатурой рынка. В этом контексте риски глобализации

он усматривает в том, что само указанное противоречие между капиталом и трудом, содержащее перспективу взрывного конфликта рынка и демократии, выводится глобализационными процессами на уровень планетарной угрозы.

Как уже отмечалось, выискивая и исправляя ошибки в западных схемах понимания современного мироустройства и законов развития человечества, сторонники теории имманентной периферийной отсталости содействуют приближению к пониманию реального состояния дел, движущих сил и перспектив развития современной цивилизации. Однако призывая к внедрению других принципов, на которых могли бы строиться общество, экономика и развитие, отличающиеся от господствующей либеральной модели, сами они пока не создали такой модельной альтернативы.

Не могут рассматриваться в качестве конструктивной основы для разработки стратегий развития периферийных государств и существующие наработки марксистской идеологии, поскольку марксистские теоретики интересовались, прежде всего, классовым обществом, а не традиционным, исследовали феномен колониализма и неоколониализма скорее в контексте его влияния на экспансию капитализма в мировом масштабе, чем в плане структурных изменений в автохтонных обществах.

Наконец, к конкретным результатам с определением целей, стратегий, схем и механизмов прогресса стран третьего мира не привел пока и творческий поиск в пределах «четвертой», по определению И. Валлерстайна, «волны» антисистемного движения (ее предшествующие фазы: «маоизм»; «новые социальные движения» – экологическое, феминистское и пр.; «ассоциации борьбы за права человека»), оформившегося в 1999 г. во Всемирный социальный форум.

Его нынешние знаковые фигуры, Д. Бенсаид, С. Латуш, П. Вивере, Д. Плион, Р. Ханел, Н. Белларжеон, сосредоточились не столько на том, «чтобы закрыть Уолл-Стрит», сколько «на изобличении могущества капитала во имя определенных судьбоносных приоритетов, которые должны служить человечеству... на экологических рисках, на нищете и маргинальности, на защите социального сектора» [5, р. 68] и т.д. Однако «никто из них не смог еще сформулировать общую теорию, альтернативную неоклассической модели, на которой основывается первенство неолиберальных мыслителей» [Там же].

Бесспорно, что творческие прорывы новых научных исследований, ломая устаревшие мировоззренческие конструкции, существенно расширяют границы представлений о социальной вселенной, о путях и закономерностях развития человечества. Вместе с тем, засевая поле человеческого

сознания зернами новой рациональности, ни одна из современных теоретических конструкций так и не приблизилась к объяснению первоисточников изменений в традиционном обществе мусульманских стран, ни, тем более, к обоснованию направленности и динамики этих изменений в стратегической перспективе.

Более того, новые подходы совсем не застрахованы от возведения на их основе апокалиптических сценариев будущего человечества. Вспомним в этой связи хотя бы размышления С. Хантингтона о неизбежности столкновения цивилизаций, которые явно или опосредованно опираются на тезис о множественности цивилизаций и признании уникальности путей их развития, однако содержат в своей основе мысль о том, что цивилизации в процессе своей эволюции не только не конвергируют, но фундаментальные отличия между ними лишь нарастают и обостряются.

В целом же, как представляется, общая проблема поиска теоретического фундамента, на базе которого могут быть сформированы стратегии национального развития мусульманских стран, состоит в эклектизме соотношения компонентов любой комбинации факторов развития, требующихся для целостного решения этих задач.

Библиографический список

1. Родригес-Фернандес А.М. Глобальная трансформация и страны бывшего «Третьего мира» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 2. С. 56–66.
2. Zolo D. Boston studies in the philosophy of science. Dordrecht, 1995. Vol. 146. Pp. 247–248.
3. Chase-Dunn C. Globalization: A world-systems perspective. *Journal of world-systems research*. 1999. Vol. 2. Pp. 187–215.
4. Global transformations: politics, economies and culture. Cambridge, 2000.
5. Political Elites and Political Development in the Middle East. NY; L.; Sydney; Toronto, 2009.
6. Sachs J. Globalization and patterns of economic development. Tubingen, 2000.
7. Szakolczai A. Civilization and its sources. *International sociology*. 2001. Vol. 16. № 3. Pp. 376–378.

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук; заведующий кафедрой новой и новейшей истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

E-mail: amrodrigues@mail.ru

A. Rodrigues-Fernandes

Globalism and Western strategy search in organizing Eastern periphery

The process of globalization formulated by Western analytics presumes control by “Atlantic civilization” countries over resources of so-called Eastern periphery countries. The majority of Eastern countries developing in contradiction with Western states relate to this category. However this strategy being materialized at the end of the XXth, beginning of the XXIst centuries appeared to be anti-productive and unreal. It was revealed that a lot of Western “values” are not generally adopted in the East. Foremost it concerns the alienation of the products of labor, business values, pluralism in the way of thinking, and so on. Besides, effects carrying out with this strategy revealed numerous negative consequences for the Eastern societies. A lowering of a storing potential, a cutdown of development possibilities, a strengthening of social and economical problems especially can be related to those negative consequences.

Key words: Atlantic culture, Eastern periphery, globalization, social structure of Arab countries, traditional social structures, globalization strategy of the present, national development of Muslim countries.

Rodrigues-Fernandes Alexandr M. – Dr. History Hab.; head at the Department of Modern and Contemporary History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University